

Мовна картина світу, що виявляється, у першу чергу, на лексико-семантичному й синтаксичному рівнях мови, в групі слів і словосполучень, у яких через виразні поняття втілюються риси етносу: географічне місце проживання, громадський побут і звичаї, сім'я і родинна обрядовість, усна народна творчість, мистецтво, вірування, мораль, основні галузі господарства, промисли й ремесла, поселення й житло, національний одяг, традиційні страви, зовнішність, типові внутрішні риси тощо. Тут також передаються й особливості психіки, ментальності, які зокрема О.Кульчицький називає кордоцентричністю, рефлексійністю, споглядальністю, волелюбністю та ін., сформованими під впливом географічних, соціальних, історичних умов життя [3].

Висновки. Етнокультурна та психологічна специфіка певної мови, осмислення мови не лише як способу комунікації, а й способу мислення й сприйняття, способу пізнання світу народом є одним з актуальних питань сучасної психолінгвістики, етнолінгвістики, лінгвокультурології та лінгвокраїнознавства, особливо в аспекті формування психолінгвістичної компетенції учасників навчально-виховного процесу, зокрема управлінців.

ЛІТЕРАТУРА

1. Бацевич Ф.С. Основи комунікативної лінгвістики / Флорій Бацевич. – К.: Академія, 2004. – С. 198–202.
2. Вашенко В.С. Українська семасіологія: Типологія лексичних значень / В.С. Вашенко. – Дніпропетровськ: Вид. ДНУ, 1981. – 123 с.
3. Кузьменко О. Принципи троїстості та його відбиття в поезії / Космос древньої України. –К.: Веселка, 1992. – С. 43–67.
4. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике / Александр Потебня. – М.: Просвещение, 1963. – Т.3. – 467 с.
5. Потебня А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня // Слово и миф. – М.: Учпедгиз, 1989. – С. 17–200.
6. Мізін К.І. Психолінгвістичний експеримент чи соціолінгвістичний моніторинг? Епістемологічні пошуки аксіологічної фразеології (на матеріалі компаративної фразеології) // Мовознавство. – 2008. – №1. – С. 71–72.

УДК 811.161.1'373.611

ЯЗЫКОВОЙ СТАТУС СУБЪЕКТИВНО-ОЦЕНОЧНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Любовь Летючая
(Переяслав-Хмельницький, Украина)

У статті обґрунтовується мовний статус дериваційної категорії суб'єктивної оцінки сучасної російської мови; розмежовуються поняття суб'єктивної та об'єктивної оцінки, диференціюються терміни “емоційність”, “емотивність” і “експресивність”.

Ключові слова: дериваційна суб'єктивна оцінка, об'єктивна оцінка, емотивність, емоційність, експресивність.

В статье обосновывается языковой статус деривационной категории субъективной оценки современного русского языка; разграничиваются понятия субъективной и объективной оценки, дифференцируются термины “эмоциональность”, “эмотивность” и “экспрессивность”.

Ключевые слова: деривационная субъективная оценка, объективная оценка, эмотивность, эмоциональность, экспрессивность.

The article investigates the linguistic status of the derivative category of subjective estimate in modern Russian. It distinguishes between such notions as subjective and objective estimate. Also it differentiates subjective from objective, emotionality from emotivity, and emotivity from expressivity.

Key words: derivative subjective estimate, objective estimate, emotivity, emotionality, expressivity.

Постановка проблемы. Термин “категория субъективной оценки” был введен в лингвистическую науку А.А. Шахматовым, применившим его к группе производных существительных, образованных при помощи уменьшительных, увеличительных и уничижительных суффиксов. В курсе лекций по современному русскому литературному языку (1911-1912 гг.) А.А. Шахматов называл группу имен этого рода “категорией умалительности, уничижительности и увеличительности [20]”. Здесь же он рассматривал эту категорию в ряду других грамматических категорий имени существительного.

В изданном посмертно труде “Синтаксис русского языка” (1927 г.) для названия данной категории А.А. Шахматов ввел термин “субъективная оценка”: “Существительное означает ту часть речи, которая вызывает представление о сочетании основного знаменательного представления с грамматическими категориями числа, рода, падежа, а также субъективной оценки [19, с.3]”.

Позднее В.В. Виноградов сделал вывод о том, что “по мнению А.А. Шахматова, уменьшительные, ласкательные, увеличительные или уничижительные образования какого-нибудь слова должны быть признаны не разными словами, не отдельными словами, а формами того же слова [2, с.97]”.

Таким образом, в русском языкознании началась дискуссия о языковом статусе субъективно-оценочных образований.

Анализ последних достижений и публикаций. В русской лингвистической традиции субъективно-оценочные дериваты рассматривались то как самостоятельные по отношению к исходным словам (В.К. Порезжинский, В.Н. Сидоров, А.И. Соболевский, Д.Н. Ушаков, Ф.Ф. Фортунатов), то как формы слов (Ф.И. Буслаев, В.В. Виноградов, А.Х. Востоков, М.В. Ломоносов, С.И. Ожегов, Г.П. Павский). Колебался в решении этого вопроса Л.В. Щерба. В современной лингвистической литературе представлены оба эти направления.

Можно сравнить противоположные точки зрения, представленные, с одной стороны, в работах Ю.А. Карпенко, А.Н. Кожина, Р. Маркаряна, В.М. Никитина и О.А. Никитиной и, с другой, в работах А.Д. Зверева, А.М. Родимкиной, П.М. Чайкуна, Н.В. Шемборской.

Некоторые современные исследователи склонны рассматривать образования с субъективно-оценочными суффиксами как нечто промежуточное между собственно словами с особыми лексическими значениями и грамматическими формами слова (Л.И. Осипова, В.А. Червова) или как синтез того и другого,

“формословы”. Этот термин М.Г. Даниелова предложила в своем труде в восьмидесятые годы XX века. И хотя автор предупреждает, что “здесь не подразумевается промежуточный характер деминутивов”, но далее разъясняет: “своеобразие данной категории заключается в совмещении некоторых признаков словообразования и формообразования [4, с.4]”.

Другие исследователи предлагают дифференцировать такие производные: наименования, выражающие значение реального уменьшения, считать отдельными словами (*рот – ротик, нос – носик, дом – домик*), а те, что не связаны с указанным значением, рассматривать как формы слова (*время – времечко, час – часик*) (С.К. Антонов, Е.М. Галкина-Федорук, С.С. Плямоватая, М.Н. Яценецкая).

Иначе разграничивает формообразующие и словообразующие суффиксы В.Н. Покуц. К формообразующим она предлагает относить такие уменьшительные суффиксы, которые образуют производные как со значением эмоциональной оценки, так и со значением объективной уменьшительности. Словообразующими считаются суффиксы, посредством которых образуются производные со значением конкретизации (*шубка – “детская шуба”, яблонька – “молодая яблоня”*), а также уменьшительные суффиксы в полисемантических формах. Автор также указывает на наличие группы производных (“морфологических вариантов”), в составе которых уменьшительные суффиксы не обнаруживают признаков ни словообразования, ни формообразования: *тетрадка, скамейка* [16, с.20].

Еще один подход к проблеме формо- /словообразования в сфере уменьшительно-оценочных имен представлен в работе Л.С. Новиковой, по мнению которой данные производные являются самостоятельными словами с лексикографической точки зрения и представляют формы производящего слова с точки зрения лексикологической [13, с.91].

Актуальность исследования. Из этого можно сделать вывод, что вопрос о том, являются ли субъективно-оценочные слова объектом формо- или словообразования, продолжает оставаться открытым.

Цель статьи. Определить языковой статус деривационной категории субъективной оценки в ряде других грамматических категорий, уточнить терминологию понятий субъективной и объективной оценки, оценочности, эмотивности, эмоциональности, экспрессивности.

Изложение основного материала. Несмотря на остроту проблемы, уже наметилась тенденция к однозначному осмыслению субъективно-оценочной деривации в качестве словообразования. Но такое решение вопроса родилось как бы за пределами данной проблемы – в связи с разработкой семантических типов словообразования. Предпринятое Е. Куриловичем разграничение деривации лексической (мутация и модификация) и синтаксической [10, с.57–70] означало, что вопрос о природе оценочной деривации решен в пользу словообразования. Позже в нескольких работах по деминутивному словообразованию (Л.И. Осипова [14, с.13], А.Н. Кожин [7, с.5]) используется термин “модификация”.

В “Грамматике современного русского литературного языка” 1970 г. А.А. Лопатин не только употребляет этот термин, но и трактует данное понятие: “В системе суффиксальных существительных, мотивированных существительными, слова с общим значением “носитель предметного признака” (признака,

выражающегося в отношении к предмету, лицу, явлению) противопоставлены словам с модификационными значениями. Сущность словообразовательной модификации заключается в добавлении к основному значению мотивирующего слова некоторого дополнительного признака. Среди суффиксальных существительных выделяются модификационные значения женскости, невзрослости, подobia, собирательности, единичности; стилистической модификации [3, с.168]". О том, что субъективно-оценочное значение слова относится к модификационным, пишут такие исследователи, как Е.А. Земская [6], Л.М. Васильев [1], Е.С. Кубрякова [9] и др.

Итак, наиболее принята точка зрения, согласно которой субъективно-оценочное образование в русском языке – это процесс, формирующий модификационное словообразовательное значение.

Нельзя, правда, не видеть, что такое решение проблемы – это вместе с тем и постановка новых вопросов: о границах и внутренних градациях модификационного СЗ, о месте экспрессивно-оценочного СЗ среди других видов словообразовательной модификации и о правомерности их объединения в один семантический тип словообразования.

Границы модификационного словообразования не вполне ясны. В АГ-70 и РГ-80 модификационному словообразованию отводятся довольно широкие семантические границы: значение женскости, невзрослости, подobia, собирательности, единичности, субъективно-оценочные значения, значение стилистической модификации. В результате понятие “дополнительный элемент смысла”, выдвигаемое в РГ-80 [17, с.183] в качестве семантического критерия при определении границ модификационного словообразования, не является вполне определенным, поскольку не указано, по каким признакам можно было бы отличить такой “дополнительный элемент смысла” от самостоятельного смысла, а, следовательно, по каким признакам можно на практике отличать модификационное словообразование от мутации. Сам по себе перечень возможных модификационных значений не решает проблемы. Создается впечатление, что модификационное словообразование в том виде, как оно представлено в академических грамматиках, объединяет в себе разнородные явления.

До настоящего времени актуальной остается необходимость “выработать четкие принципы выделения модификационных значений в их отличии от других видов словообразовательной и грамматической (формообразовательной) семантики [9, с.186]”. Учитывая все это, вопрос о статусе субъективно-оценочного значения вряд ли можно считать до конца ясным и вполне решенным.

В нашей статье мы разграничиваем термины – деривационное значение и словообразовательное значение, хотя их часто используют как синонимичные. Под словообразовательным значением мы понимаем значение, присущее лишь производному слову: “такое значение заложено в каждом отдельном производном слове [5, с.22]”.

Словообразовательное значение устанавливается на основании семантического соотнесения производных и производящих с ориентацией на деривационное значение форманта; это семантический компонент, который входит в лексическое значение деривата: *учи(ть) + -тель > учитель*: “тот кто преподает какой-либо учебный предмет в школе, преподаватель” (БТС). Словообразовательное значение выражается перифразой “тот, кто учит”, которая коррелирует с лексикографическим определением “тот, кто преподает”. Все

остальное – “какой-либо предмет в школе, преподаватель” – входит только в лексическое значение.

Деривационное значение (*derivatio* – отвод) – типизированное значение словообразовательного аффикса. Оно более абстрактное, его можно определить на основе обобщения лексического значения нескольких однотипных дериватов: *учитель, мучитель, заместитель, преподаватель, издатель, хранитель* – “лицо, совершающее действие, названное производящей основой”. Деривационное значение участвует в формировании словообразовательного значения производного слова путем координации с вещественным значением корня: с помощью суффикса *-тель-*, обладающего деривационным значением “лицо, совершающее действие, названное производящей основой” в сочетании с основой глагола *учить* производится дериват *учитель*, который имеет словообразовательное значение “лицо, которое учит” = “тот, кто учит”.

Если деривационное значение – значение аффикса, то закономерно в этом же значении употреблять термин *аффиксальное значение*. Однако деривационное значение может быть выражено другим способом, например, редупликацией основы. Любой носитель деривационного значения определяется как *дериватор* [15, с.188].

В деривационном значении, как и в лексическом, можно выделить денотативный и коннотативный компоненты, например, в слове *домище -ищ-* имеет денотативный компонент ‘размер’ = ‘большой’ и коннотативный компонент ‘эмоция’. Коннотативная сема реализуется в контексте и может приобретать оттенки гипокористического или пейоративного значения, что будет рассмотрено в последующих главах.

Проанализированный нами фактический материал, позволяет сделать вывод о необходимости различия понятий “субъективная оценка” и “объективная оценка”. Значение прилагательных *субъективный* – “относящийся только к данному субъекту, отражающий только его мысли, переживания и т.п., личный, индивидуальный” и *объективный* – “лишенный предвзятости, беспристрастный [8]” несколько меняется в терминологизированных сочетаниях *субъективная* или *объективная оценка*.

Субъективная оценка, на наш взгляд, предполагает выражение определенных эмоций. Слово, выражающее субъективную оценку, содержит семантический компонент, который как бы накладывается на денотативно-сигнификативное значение слова. Он указывает на отношение говорящего к объекту речи или к адресату речи, что легко обнаруживается в именных частях речи, но присутствует также в глаголах и структурных словах.

Объективная оценка указывает на реальные изменения исходного значения слова.

Как было отмечено выше, в русском языкознании давно ведется дискуссия о том, включать или не включать образования с чисто размерными значениями в категорию субъективной оценки. Не раз предпринимались попытки вывести производные с уменьшительным и увеличительным значениями за пределы категории субъективной оценки на основании того, что они обозначают не отношение говорящего к предмету речи, а реальный размер этого предмета. Анализ фактического материала показывает, что значения абсолютно размерные встречаются редко и сопровождаются обычно отношением субъекта к названному им предмету, его размеру. Примечательно в этом плане высказывание

В.Н. Покуц, которая отмечает, что существительные, выражающие реальную уменьшительность, все же “сохраняют в себе часть той экспрессии, которая присуща им при выражении субъективной оценки [16, с.10]”.

Исходя из этого, можно, наверное, говорить о затруднительных случаях, о преобладании объективного над субъективным и наоборот, но ни в коем случае не объединять эти два понятия.

Доминирующую сему в данных производных позволяет определить контекстное окружение, так называемые “сигнализаторы подчеркивания”. В тех случаях, когда в ближайшем контексте отсутствуют “сигнализаторы” того или иного варианта многозначного СЗ, это СЗ реализуется (воспринимается адресатом) совокупно, нерасчлененно. То есть, актуализация одного из вариантов полисемантического аффикса может осуществляться лишь в широком (вербальном и невербальном) контексте, а может оставаться и неосуществленной. Но это, по справедливому замечанию Д.Н. Шмелева, “не создает затруднений для речевого общения, не делает высказывание двусмысленным, так как позиционная обусловленность различных значений многозначного слова сочетается с (также позиционно обусловленной) возможностью “совмещения” некоторых из них в определенных контекстах [22, с.87]”. И хотя здесь речь идет о лексической полисемии, это же можно сказать и о многозначности модификационного СЗ.

В нашем исследовании дериваты с абсолютно размерным значением рассматриваются как оценочные производные, но относятся к примерам объективной оценки. Эвалюативы объективной оценки в данной работе классифицируются на деминутивы и аугментативы (в рамках имени существительного); на квантитативы и квалитативы (в рамках имени прилагательного, наречия, структурных слов).

В данном исследовании мы считаем уместным говорить о разграничении понятий “оценочность”, “экспрессивность”, “эмоциональность”, “эмотивность”.

Оценочность – это компонент содержания слова, передающий рациональное и / или эмоциональное (положительное или отрицательное) отношение говорящего к характеризующемуся явлению.

Эмотивность – это компонент коннотативного содержания, передающий эмоциональное отношение говорящего к характеризующемуся явлению. В отличие от рациональной оценки в эмотивности доминирует эмоциональное начало [18, с.22], выше роль субъективного фактора. Эмотивность и оценочность тесно связаны и часто взаимозаменяемы, что дало основание для объединения их в один компонент значения, который Н.А. Лукьянова называет эмоциональной оценкой [11, с.11–12].

Также представляется уместным разграничить понятия “эмоциональность” и “эмотивность”. Под эмоциональностью В.А. Маслова понимает психологическую характеристику личности, состояния, качеств и уровня ее эмоциональной сферы [12, с.185]. Эмотивность – это понятие языковой системы. В.А. Маслова рассматривает данное понятие как совокупность языковых средств, способных произвести эмоциональный эффект, то есть, вызвать у реципиента соответствующие эмоции [12, с.185]. У В.И. Шаховского можно найти следующее толкование этого понятия: “Эмотивность – имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции [21, с.24]”.

Некоторые отечественные и зарубежные лингвисты отождествляют эмотивность и экспрессивность, употребляя эти термины как синонимы (Ш. Балли, В. Матезиус, К.А. Рогова, Р.О. Якобсон и др.). В последнее время в научной литературе четко проявляется тенденция дифференциации этих явлений. О.И. Блинова, А.И. Ефимов, Н.А. Лукьянова, В.И. Шаховский, В.Н. Телия признают экспрессивность категорией более широкой, чем эмотивность. Под экспрессивностью речи обычно понимается ее не-нейтральность, деавтоматизация, придающие речи необычность, выразительность. Явление экспрессивности включает в себя также эмоциональность и образность, потому что именно они служат средством усиления впечатления, усиления прагматической функции. “Экспрессив – это языковая единица, основной семасиологической функцией которой является экспрессия, то есть увеличение воздействующей силы за счет сем усиления образности и др. [21, с.25]”. Эмотивность и экспрессивность свойственна единицам всех уровней языка, в том числе и деривационному. Деривационные средства включают, прежде всего, широкий диапазон аффиксов, а также словосложение.

Выводы. До настоящей времени объектом лингвистического анализа были в основном аксиологические характеристики лексем, изучавшиеся лексикологами. В дериватологии же не было специального исследования реализации категории оценки на деривационном уровне, однако достаточно изучен реестр морфов, используемых в образовании отыменных оценочных производных, прежде всего, субъективно-оценочных.

В рамках деривационной категории оценки нужно различать понятия субъективной и объективной оценки, поскольку они связаны с разными словообразовательными типами и определяются в связи с наличием / отсутствием нового значения у деривата. Объективное оценочное значение (квалитативное и квантитативное) свойственно производным, полученным в результате мутации, эмоциональное и стилистическое наполнение характеризует модификационные дериваты.

Перспективы последующего исследования. В дальнейшем планируется изучение реестра морфов, используемых в образовании не только отыменных оценочных производных, а и дериватов от других частей речи, в частности, структурных слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев Л.М. Номинативное, семантическое и формальное словообразование // Общие проблемы деривации и номинации. Словообразование в аспекте взаимодействия разных уровней языка. – Омск, 1988. – С. 3–4.
2. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М., 1972. – С. 77–317.
3. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: АН СССР, 1970.
4. Даниелова М.Г. Деминутивы в комплексных единицах словообразования в современном русском языке: автореф. дис. на соискание научной степени канд. филол. наук: спец. 10.02.02 “Русский язык” / М.Г. Даниелова. – М., 1985. – 17 с.
5. Зверев А.Д. Словотвірне значення в семантичній структурі похідних // Мовознавство. – 1988. – №1. – С. 21–28.
6. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. – М.: Просвещение, 1973. – 302 с.
7. Кожин А.Н. Уменьшительно-ласкательные имена существительные // Учен. зап. Моск. пед. ин-та. Русский язык. – Т. 228. – М., 1969. – Вып.15. – С. 3–11.

8. Крысин Л.П. Толковый словарь иностранных слов. – 2-е изд., доп. – М.: Русский язык, 2000. – 856 с.
9. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
10. Курилович Е. Очерки по лингвистике. – М.: Изд-во иностр. л-ры, 1962. – 456 с.
11. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики): автореф. дис. на соискание научной степени доктора филолог. наук. – Свердловск, 1986. – 31 с.
12. Маслова В.А. Параметры экспрессивности текста // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991. – С. 179.
13. Новикова Л.С. К вопросу об именах существительных с суффиксами эмоциональной оценки // Синтаксис современного русского языка. – Тюмень, 1968. – С. 81–91.
14. Осипова Л.И. О словообразовательной классификации уменьшительно-оценочных имен существительных современного русского языка // УЗ МОПИ. – Т. 228. Русский язык. – Вып. 15. – М., 1969. – С. 12–25.
15. Плужникова Т.И. Метаязык дериватологии: проблемы и тенденции терминопотребления // Система і структура східнослов'янських мов. НПУ імені М. П. Драгоманова. – К., 2001. – С. 185–190.
16. Покуц В.Н. Уменьшительные суффиксы имен существительных в современном литературном языке (грамматическая, семантическая специфика и словообразовательная возможности): автореф. дис. на соискание научной степени канд. филол. наук: спец. 10.02.02 “Русский язык” – К., 1969. – 22 с.
17. Русская грамматика. – М.: Наука. – Ч.1. – 1980.
18. Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – М., 1991. – С. 22.
19. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л.: Учпедгиз, 1941. – 620 с.
20. Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. – СПб., 1913.
21. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе русского языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. – 188 с.
22. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. – М.: Просвещение, 1964. – 244 с.

УДК 811.111:37

КОНЦЕПТЫ “СВОЙ” – “ЧУЖОЙ” КАК РЕФЛЕКСЫ КОММУНИКАТИВНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ В АСПЕКТЕ АНАЛИЗА ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА

Светлана Мкртычян
(Тверь, Россия)

Стаття присвячена реконструкції концептів “свій” – “чужий” як концептуальної основи усного ділового дискурсу; описані психолінгвістичні експерименти, направлені на виявлення актуального “шару” даних концептів; для інтерпретації отриманих результатів розроблена система індексів оцінювання, що характеризують “питому вагу” актуального “шару” концептів “свій”, – “чужий”; зроблено висновки про особливості комунікативної субкультури суб'єктів дискурсу.